

ЛАНДШАФТНЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

В статье рассматривается влияние вмещающего ландшафта и межэтнического взаимодействия на формирование регионального цивилизационного генотипа. Оценен ряд концепций и взглядов на эти проблемы и высказывается точка зрения авторов.

Этнокультурная география регионов формируется под воздействием целого ряда факторов, среди которых одним из важнейших является взаимодействие с вмещающим ландшафтом и с другими этносами, или, по Ф. Ратцелю, воздействие природной среды и характер сношений [26], которые между собой тесно связаны и на характеристике которых мы и остановимся в рамках данной статьи. Взгляды на эти вопросы полемичны, поэтому авторы считают важным их обсуждение.

Как справедливо отмечает К. Леви-Стросс, в человеческом обществе одновременно сосуществуют две противоположные тенденции: одна – нацеленная на сохранение и даже акцентирование особенностей, другая – стремящаяся к конвергенции и уподоблению. Это касается всех элементов культуры. Даже у языков с разным происхождением на смежных территориях возникают определенные элементы сходства. «Несомненно, людьми созданы различные культуры ввиду географического отдаления, особенных свойств окружающей среды и незнания об остальной части человечества» [11, с 327]. Это положение было бы истинным и строгим, если бы существовала полная изоляция. Однако «человеческие общества никогда не одиноки; когда они, как кажется, наиболее сепарированы, то все же существуют в виде групп, в какой-то связке» [там же]. Эта связка вкупе с ландшафтом и определяет во многом региональные этнокультурные особенности. Однако в настоящее время нельзя сказать, что «каждая культура управляет «своим» участком земли», как утверждает А.М. Буровский [2]. Культуры переплелись и, взаимодействуя, сформировали новое качество антропосферы, мировую цивилизацию, пеструю и мозаичную. На региональном уровне культуры образовали региональный цивилизационный генотип (термин употреблен М.П. Крыловым [10]), сложившийся в результате сложнейшего взаимодействия «этнос-этнос-ландшафт».

Пожалуй, сегодня уже никто не сомневается в том, что формирование этносов и этнической культуры регионов связано с ландшафта-

ми. Роль природного фактора очевидна, она признается многими исследователями, даже «геонигилисты» не в состоянии полностью его отвергать, многочисленные споры вызывает лишь степень его влияния. На крайних полюсах – сторонники геодетерминизма, в рамках которого первоначально складывалась культурная география, и культурного детерминизма, односторонне рассматривающего преобразующее влияние культурных факторов на природу; между ними – умеренные взгляды possibilистов.

Существование разных, зачастую противоположных концепций взаимодействия культур предопределено сложностью объекта исследования. Так, согласно гипотезе жестких культурных границ в рамках концепции изоляционизма, сторонниками которой являются О. Шпенглер [24], Н.Я. Данилевский [6] и К.Н. Леонтьев [12], взаимодействие между культурами минимально из-за взаимного непонимания и ценностных различий. Это мнение опирается на представление о привязке культуры к определенным культурным ландшафтам и определяющей роли природных факторов в дифференциации культурного пространства [22].

Другая точка зрения, представленная взглядами А. Тойнби [20] и П.А. Сорокина [19], построена на том, что культурное пространство более подвижно и динамично, не столь жестко привязано к ландшафтам, не ограничено жесткими барьерами. Культурогенез предполагает изменчивость культурных границ, рождение новых культур на стыке прежних. По А. Тойнби, автору теории региональных цивилизаций, цивилизация в принципе может зародиться в любых природных условиях, а стимулом для ее зарождения и развития может быть «неблагоприятное окружение», поскольку прогресс связан со способностью цивилизации находить ответы на разного типа вызовы, в том числе вызовы суровой природы.

Многие авторы подчеркивают важность разнообразия ландшафтов. По Л.Н. Гумилеву [5] зарождение этносов связано лишь с сочетанием ландшафтов – по терминологии Ф. Кле-

ментса, с экотонами, с которыми теснейшим образом переплетены исторические судьбы человечества. Народы, населяющие монотонные ландшафты, стабильны и в этническом, и в социальном плане. В региональных экотонах рождаются новые народы, новые культуры, новые государства [14]. Некоторые авторы связывают с особенностями ландшафтов поведение этносов и особенности этнических контактов. Так, А.М. Буровский [2] утверждает, что культура этносов, обитающих в контрастных условиях, более восприимчива к новациям, лояльна к образу «других». Он приводит в качестве одного из примеров хакасов, обитающих в контрастных условиях и использовавших новации пришельцев как толчок для собственного развития. Верно и обратное – однородные условия формируют неприятие «иных».

К.П. Иванов [9] вслед за Л.Н. Гумилевым отмечает, что ландшафт действует на этнос принудительно. Смена ландшафта приводит к смене стереотипов поведения и возникновению нового субэтноса или этноса. Он приводит многочисленные примеры этнической дивергенции этносов в результате влияния ландшафтов и других этносов. Например, на Таймыре произошло смешение северных якутов, «объякученных» тунгусов (эвенков) и старожильческого русского населения, в результате чего образовались долгане.

Этот же автор утверждает, что слияние суперэтносов (на территории России К.П. Иванов насчитывает 7 суперэтносов, каждый из которых сложился в своем ландшафте и тесно с ним связан) возможно лишь теоретически при полной нивелировке ландшафтов. «Суперэтнос – не есть общность духовная или политическая, это общность природная» [9, с. 14]. Западную Европу от России отделяет нулевая изотерма января, представляющая границу качественного скачка в климате, который детерминировал иные формы адаптации. Русские как этнос связаны с аazonальным пойменно-луговым ландшафтом рек таежной зоны, где образовали уникальный симбиоз с коровой (источник удобрений, необходимый для малопродуктивных лесных почв). Еще недавно существовал циркумполярный суперэтнос, который отделяла от русского граница многолетней мерзлоты, с ягельниками – экологической нишей северного оленя, к северу от которой русская земледельческая культура не проникла. Иванов жестко привязывает этносы к ландшафтам, считая, что

существование популяции вне зоны немыслимо. Все прецеденты – лишь редкие исключения. По его мнению, современная промышленная цивилизация обречена и не исчезает лишь из-за беспрецедентных темпов ограбления накопленных биосферой ресурсов [9]. В продолжение темы С.Б. Потахин замечает, что уничтожение этносами «вмещающего ландшафта» или войны ведут к полному исчезновению этноса, ассимиляции, миграции, смене этнического типа природопользования [16].

По сути дела продолжает развивать идеи Л.Н. Гумилева автор теории рубежной коммуникативности В.А. Дергачев [7]. Фактически в ней речь идет об этноконтактных зонах, в пределах которых происходит наиболее интенсивное взаимодействие. По его мнению, географические условия наряду с другими процессами способны влиять на ход исторических событий, характер законов общества, нравы людей, род их занятий и т. д. Он считает маргинальные зоны – граничные поверхности интенсивного взаимодействия природных, экономических, этнических и информационных процессов важными элементами, развитие которых приводит к изменению пространственной организации земной поверхности.

Известны концепции связи этногенеза с тектонической активностью геологических структур [23], попытки связать этногенез с природными ритмами [15]. Перечень взглядов на данную проблему можно было бы продолжить.

Бесспорно одно: влияние между этнической культурой и природой существует, и влияние это обоюдное. Это признают сторонники всех, даже противоположных точек зрения. Как полагает Р.Ф. Туровский, «...взаимодействие человека как носителя определенной культуры и природы... рассматривается как двусторонний процесс, как взаимное влияние», а «более глубокие исследования предполагают не детерминизм, а исследования влияния человека на среду» [22, с. 87]. Добавим – и среды на человека. Для этого взаимного сложнейшего процесса характерна зональность и региональность, на что указал, например, Ю.Д. Дмитриевский [8]. Действительно, этносы адаптируются к природной среде, формируя сложнейшую систему связей с природой – особую в каждом регионе, что и является одним из важнейших факторов формирования регионального цивилизационного генотипа. Это особенно важно для этносов, отличающихся «жесткими» связями с природной

средой, но проблема шире. Весь уклад жизни населения этнокультурного региона, так или иначе, связан с ландшафтами.

Вместе с тем, культурные ландшафты имеют различия в зависимости от природной зоны даже в пределах одного этноса. Кроме того, они имеют этническую окраску в пределах одной зоны и при наличии сходных природных условий и одного природного материала. Так, в Оренбургско-Казахстанском трансграничном регионе, несмотря на сходство природных ландшафтов, татарские, башкирские, русские, немецкие селения имеют существенные различия в планировке улиц и усадеб, застройке, озеленении. В пределах видимости находятся казахская Бакалка без единого кустика, со стогами заготовленного сена, очевидной скотоводческой специализацией индивидуальных хозяйств, мусульманским кладбищем с мавзолеями и утопающая в зелени палисадников, садов и огородов русская Федоровка в Оренбургском районе. На расстоянии двух километров находятся практически соединившиеся в одно села Подольск и Луговск Красногвардейского района, построенные немцами-меннонитами по определенному плану, со стоящими строго по линии в 25 метрах от дороги домами, палисадниками с цветниками и деревьями, защищающими от пыльных бурь, и башкирское Старо-Юлдашево, где хоть и есть улицы (влияние немцев – раньше не было), но нет четкости, порядка и зелени.

Один и тот же этнос, попадая в иное природное окружение, приобретает специфические черты, отличные от черт данного этноса, проживающего в другом ландшафте. В то же время в сходных ландшафтах неизбежна конвергенция даже таких разных культур, как мусульманская и христианская, или культура кочевников и оседлых народов. Часто этнокультурные регионы (в том числе трансграничные) объединяет не только историческая и этническая общность, но и общность взаимоотношений культуры и естественной среды. С другой стороны, это одна из причин отличия культуры диаспор от культуры этноса в других регионах. Конвергенция является географической реальностью, несмотря на то, что селились этносы в разных экологических нишах (например, в Оренбургско-Казахстанском трансграничном регионе русские в поймах, казахи и башкиры, занимающиеся кочевым скотоводством, – на водоразделах).

Разумеется, детерминированность более всего прослеживается в сельской местности, но и

городским жителям не удастся избежать влияния среды – это выражается как во внешнем облике поселений, особенностях кухни и одежды, даже моды (в Сибири зимой предпочитают изделия из длинного меха не из прихоти, меховую одежду носят не только обеспеченные жители), но и в образе и укладе жизни, стереотипе поведения. Оренбургские черноземы и благоприятные климатические условия (и, естественно, нужда!) «приучили» жителей всех национальностей и социальных слоев – как селян, так и горожан – к возделыванию садово-огородных участков.

Природные условия местности и природные материалы оказывают влияние на системы жизнеобеспечения в целом, архитектурные и градостроительные особенности (те же луковичные купола в России вместо заимствованных сферических из Византии, не выдержавших «испытания осадками»), орудия труда, предметы быта, этнонимы, одежду, пищевой рацион, характер землепользования, использование тех или иных домашних животных, специализацию хозяйств, сезонность работы, а также на менталитет, миропонимание, национальный характер, особенности системы воспитания, религиозные воззрения (см. в частности: [4]). Влияние это довольно устойчиво: в результате перемещения в иную среду частей того или иного этноса их привычки долгое время сохраняются. Стабильными остаются кухня, одежда, градостроительные особенности, хозяйственные навыки и т. д., хотя со временем происходят заимствования и приспособление к новым условиям среды обитания. Так, миграция лесных жителей в степную зону делает необходимым поиск новых способов строительства и новых строительных материалов. Первые русские поселенцы в Оренбуржье сплавляли по рекам бревна, однако постепенно перешли на саманные постройки, распространенные среди местных жителей, и на кирпич.

На детерминированность культуры природными особенностями обращают внимание многие авторы. По образному выражению Н.А. Бердяева, немец всюду видит и ставит границы, русская душа «ушиблена природой» и безграничностью, а китаец всюду видит китаяца [1]. Большое внимание уделяли этому вопросу, как известно, евразийцы [17, 18, 21]. Но в рамках одной статьи невозможно рассмотреть все существующие точки зрения.

Не только ландшафты оказывают влияние на формирование этнической культуры, но и

этносы через культуру влияют на ландшафты, видоизменяя их и формируя культурные ландшафты двух видов: креативно созданные человеком – парки, скверы, городские и сельские ландшафты и окультуренные природные, видоизмененные человеком. Т. е. этническая культура является важным ландшафтообразующим фактором. Термин Геккеля «экология культуры» означает взаимодействие живых существ и окружающей среды. Он предполагает изучение влияния культуры на природу и активно пропагандировалась Д.С. Лихачевым [13], который абсолютно правомерно утверждал, что природа и восприятие природы – часть нашей культуры. Более того, по его мнению, условием существования культуры является не только сохранение культурных ценностей, но и сохранение природы, без которой человек не может существовать. С этим постулатом невозможно не согласиться.

Культура как система функционирует под воздействием процессов организации и самоорганизации. Любая культура может существовать, лишь соблюдая законы гармонии с природой. Однако в наш век ускорения прогресса и техногенных нарушений процессы самоорганизации не могут выполнить функцию гармонизации с природной средой до конца. Необходима разумная политика, что, кстати, хорошо понимают европейцы, вводящие строгие ограничения на строительство и все виды природопользования. К сожалению, в современной России процветает «самострой», неуправляемое вмешательство в ландшафт, по большому счету отсутствует настоящий контроль, в результате растут коттеджи жутких эклектических стилей, абсолютно не вписывающиеся в архитектурный стиль городов либо в окружающий пейзаж сельской местности. Между тем Д.С. Лихачев обращал внимание на то, что русское градостроительное законодательство имеет большой опыт подобного контроля. «Закон градский», известный на Руси с XIII в., запрещал строить на соседнем участке, если дом нарушит взаимосвязи жилых сооружений с природой, морем, садами и т. д. Строительство могло вестись с разрешения вла-

стей, по согласованию с соседями. При перестройке запрещалось изменять первоначальный вид, чтобы не отнять свет и не лишиться вида соседей. Особое значение имели виды на луга, перелески, водоемы. Новые здания не должны были заслонять древних [13].

Резюмируя выше сказанное, подчеркнем еще раз, что природа и культура – две взаимосвязанные, неразрывные сущности, две стороны одной географической реальности. Авторы – приверженцы комплексного подхода в географии и во многом солидарны с взглядами немецких географов Г. Кароля и Е. Неефа [25]. Они считали, что география, в отличие от других наук, призвана изучать ландшафты (природные и культурные), которые, по их мнению, представляют собой безразмерные (точнее – любых размеров) участки геосферы – комплексной оболочки, состоящей из взаимосвязанных сфер (атмосферы, литосферы, гидросферы, биосферы и антропосферы) и предложили называть их геомерами. Представляется, что это весьма удачный термин для обозначения этнокультурных районов, которые не могут быть однотипными и равнозначными. Кароль и Нееф подчеркивали, что природа и человек неразрывно связаны, предлагали изучать их в единстве, разделяя лишь отдельные направления географической науки. Культурная география как часть географии изучает участки антропосферы, культурный ландшафт. Взгляды этих географов во многом опирались на взгляды А. Геттнера [3].

В заключение еще раз подчеркнем, что ландшафт – это условие возникновения этноса и его функционирования. Более того, этническая культура как целостная динамичная система и географическая реальность, состоит из этнокультурного пространства, наполненного этнокультурным содержанием. Она включает не только этнофоры, но и элементы ландшафта, меняется в пространстве и во времени, а также (как открытая система) взаимодействует с другими подобными системами. С этих позиций – системного, комплексного и историко-географического – и следует подходить к ее изучению.

Список использованной литературы:

1. Бердяев Н.А. О власти пространства над русской душой. / Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. – М., 1997.
2. Буровский А.М.. Этнос и культура – космопланетарный фактор формирования антропосферы. // Этнос, ландшафт, культура. Материалы конференции. СПб: Изд. «Европейский дом», 1999. (308 с.). С.5-13.
3. Геттнер А. Как культура распространялась по земному шару. – Л., 1925.
4. Гладкий Ю.Н. Евразийское «неудобье» как индикатор природной и социально-экономической специфики России. // Изв. РГО. Т. 130. Вып. 1. 1998. Январь-февраль. С. 21-27. Т. 130. Вып. 2. 1998 (март-апрель). С. 6-12.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Под ред. Жекулина В.С. – Л.: ЛГУ, 1989. – 495 с.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.

7. Дергачев В.А. Концепция маргинальной комплиментарности / Под. ред. Умова А.И. – Одесса, 1995. – 48 с.
8. Дмитриевский Ю.Д. Об эволюции этноэкологических процессов. // Изв. РГО. Т. 130. Вып. 2. 1998 (март-апрель), С. 52-54.
9. Иванов К.П. Проблемы этнической географии / под ред. А.И. Чистобаева. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1998. – 216 с.
10. Крылов М.П.. Социокультурный регион в Российском цивилизационном контексте // География на рубеже веков: проблемы регионального развития. Т. 3. Курск, 1999. С.27-37.
11. Леви-Стросс К., Структурная антропология. М., 1983.
12. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992.
13. Лихачев Д.С.. Избранное о культурном и природном наследии. // Экология культуры: Альманах Института Наследия «Территория». – М.: Институт Наследия, 2000. С. 11-24.
14. Николаев В.А. Ландшафтные экотоны // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. №6. 2003. С. 3-9.
15. Петров А.И.. Новые данные о связи природной ритмики и этносоциальных процессов. // Известия РГО. Май-июнь. Том 132. Вып. 3. 2000. СПб.: Наука. С. 85-88.
16. Потахин С.Б.. Этнические традиции природопользования. // Известия РГО. Т.132. Вып. 4. 2000, июль-август. С. 76-79.
17. Савицкий П.Н.. Географические особенности России. Часть 1-ая. Растительность и почвы. Прага, Евразийское книгоиздательство. 1927. 180 с.
18. Савицкий П.Н. О задачах кочевниковедения (почему сарматы и гунны должны быть и интересны для русского?). Прага, Евразийское книжное издательство, 1928. 26 с.
19. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Прогресс, 1992. – 543 с.
20. Тойнби А. Постижение истории. – М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1996. – 607 с.
21. Трубецкой Н.. Европа и человечество. София, 1920.
22. Туровский Р.Ф. Культурная география: Теоретические основания и пути развития. // Культурная география. – М.: Институт Наследия, 2001. С. 10-94.
23. Ширинкин П.С. Географическое исследование этнических систем и этносоциальных процессов в биосфере планеты. / Автореферат на соиск. уч. ст. к.г.н. Пермь, 2000.
24. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. – М.: Мысль, 1993. – 663 с.
25. *Carol H. u. Neef E.: Zehn Grundsätze über Geographie und Landschaft // Petermanns Geographische Mitteilungen. 101. Jahrgang 1957. 2. quartalsheft. S. 7-8.*
26. Ratzel, F. Anthropogeographie. Stuttgart: J. Engelhorn, 1912